ставлены бывают из 7, 9, 12, 13 и 14-ти стихов, названия особливого не имеют. — Двенадцатистишные стансы сочиняются точно таким порядком, как и те, которые называются десятистрочными, но прибавляются только к 10-ти стихам два одинакой рифмы с последними. Четырнадцатистишные имеют тот же самой порядок. Впрочем, как сих последних, так и 13 и 16-строчных стансов, как французы говорят, у них весьма редко видеть можно. — Семистишные стансы сочиняются из 4-х строк и трех или из 3-х и 4-х. В первом случае после четвертого стиха полагается расстановка, или отдохновение, а во втором — после третьего то же. — Девятистишные же стансы составляются всегда одинакого порядка, то есть: прежде всего пишутся четыре стиха, а потом пять. И, таким образом, расстановка сего рода в стансе бывает уже после четвертого стиха. — Французы думают, что борение страстей или приятная задумчивость весьма удобно изображаются в стихах сего рода по неровному их размеру. Но могут также стансы изображать веселые и приятные предметы. В сем случае стихи их располагаются таким образом, что веселые чувства изъясняются при окончании каждого станса мужеским стихом, потому что будто мужеские не столько располагают к нежной унылости, сколько женские; но сие может быть свойственно французской поэзии, а в российской унылость, веселость или нежность не привязаны, кажется, ни к мужеским, ни к женским стихам, но дают им оттенки те или другие чувства сердца стихотворческого. — Стансами у нас называются просто стихи восьми или десятистрочными куплетами, писанные легким и приятным слогом, которой не показывает ни сильного пламенного восторга, ни парения превосходного или лирического дара, чего станс и не требует. — Он должен помещен кажется быть между греческих пеана и схолии. Таковых християнских прекрасных стансов можно довольно видеть у г-на Хераскова в ‹*пробел*› части на стран.[16] — Вот пример станса французского и русского.

Французского

Крылаты пролетают годы,
Как миг — проходит так же век,
И ах! обычный круг природы
Не переменит человек,
Хотя бы жертвы он стотельчны
И благовонный фимиам
Всечасно воскурял богам, —
Судей законы будут вечны.

От смерти жертвы не спасут:
Богатый Крез и Ир убогой
В обитель общую пойдут
И так же общею дорогой.
Почто ж страшиться, коль судьбой
Прикованы мы к общей доле,
Что слышен гром на бранном поле
И всюду льется кровь рекой?